

ЭДУАРА ХРУЦКИЙ

БРАТ ТВОЙ АВЕЛЬ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий
Брат твой Авель

«1С-Публишинг»

1980

Хруцкий Э. А.

Брат твой Авель / Э. А. Хруцкий — «1С-Паблишинг»,
1980 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6049167-3-5

Два брата. Эвальд Пальм и Юлиус Сярг. Они не виделись семнадцать лет и наконец встретились снова. В родном Таллине. Только оказались по разные стороны баррикад. Майор милиции и бывший капитан СС. Что принесет им эта встреча? Смогут ли они понять и простить друг друга или же их ждет судьба библейских Авеля и Каина – не известно. Но этот день они наверняка запомнят на всю оставшуюся жизнь.

ISBN 978-5-6049167-3-5

© Хруцкий Э. А., 1980
© 1С-Паблишинг, 1980

Эдуард Хруцкий Брат твой Авель

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В.А.

© ИД СОЮЗ

На всю жизнь ты запомнишь этот день. И дорогу эту запомнишь, и лес. И запах сосны, особенно сильный после дождя. И небо над лесом запомнишь. И солнце, пробившееся сквозь тучи. Вот там, у поворота дороги, валун. Огромный, истертый веками, поросший мхом. Там ты встретишь брата своего. Сколько шагов до поворота? Начинай считать. Первый! Второй.

Третий...

Сухо щелкнул в тишине взведенный курок. Ты это запомнишь. Все. И рубчатую рукоятку пистолета, согретую ладонью, и пороховую гарь, и выстрел, разорвавший тишину. Запомнишь. На всю жизнь.

Сначала он вышел на Ратушную площадь, потом шаги гулко прокатились под сводом арки аптеки, и булыжная спина улицы вынесла его к зданию Магистрата.

Редкие прохожие косились на торопливо шагающего капитана в выгоревшей гимнастерке с мятыми полевыми погонами. На углу улицы Пикк Эвальда остановил патруль.

Майор в безукоризненном кителе, туго перехваченном новым снаряжением, придирчиво долго читал его документы.

– Цель приезда в город?

– Там написано. – Эвальду не хотелось ссориться с майором, тем более что над правым карманом кителя старшего патруля виднелись одна золотая и две красные нашивки за ранение.

– «Направлен в распоряжение НКВД Эстонской ССР», – вслух прочитал майор. И, протянув документы Эвальду, спросил: – Вы знаете, где НКВД, капитан?

– Да, благодарю вас.

Майор бросил руку к козырьку и посторонился, пропуская Эвальда. За сегодняшний день это была третья проверка. Когда первый раз к нему подошел патруль, Эвальд даже растерялся. Слишком нелепой показалась ему эта проверка на пятый день мира. Зачем в далеком, уже давно тыловом городе так внимательно проверять документы? На вокзале он обратил внимание, что милиция и офицеры в форме НКВД выборочно проверяли документы у пассажиров, сошедших с поезда.

Но тогда он просто не запомнил это. Маленькая, совсем ненужная деталь. Она была настолько мала, настолько ничтожна, что совершенно не могла повлиять на чувство праздничной приподнятости, которое охватило его, когда мимо окон поезда поплыли первые дома Таллина.

«Сколько же ты не был здесь?» – спросила память.

«Семнадцать лет», – ответил он.

Вот она, улица Пикк. Длинная и узкая, словно тоннель. В глубине ее билась на ветру желтая капля огня. Совсем крошечная, размытая серым светом майского вечера.

И Эвальд зашагал к этому огню сквозь наступающую темноту, оставляя за своей спиной причудливый дом «Братства черноголовых». Казалось, что не было этих семнадцати лет. Улица была по-прежнему мрачновато-элегантной, и по-прежнему в часовне на углу Пикк и Оливемяги горел слабый огонек свечи.

Прошли годы, началась и отгремела великая война, он стал офицером, потерял всех, кого любил, а кто-то все так же приходил в эту часовню и зажигал свечку, словно пытаясь остановить неуправляемое движение времени.

И Эвальд был благодарен незнакомому человеку. Потому что огонь этот, как крошечный лучик памяти, был зажжен сегодня специально для него.

Он перешагнул поваленную решетку, дернул за кольцо, заменявшее ручку. Натужно скрипнув, тяжелая дверь подалась. В лицо ударило холодом и сыростью. Эвальд шагнул в часовню. Слабый свет задрожал на ветру, с шипением закапал воск на холодный камень пола. Эвальд провел рукой по склизкой стене. Пальцы пробежали по гладкому камню и нащупали рубец. Вот его метка. Он вынул зажигалку, чиркнул, поднес к стене. «Э.» и рядом «Ю.». Брату тогда было всего пять лет. Эвальд посмотрел на часы: тонкая фосфоресцирующая стрелка застыла около девятнадцати. Пора. Через пятнадцать минут его ждали в наркомате. Через полчаса он узнает, зачем его вызвали в НКВД.

Когда в госпиталь пришел запрос из Таллина, он долго и мучительно ломал голову, пытаясь узнать, зачем понадобился Наркомату внутренних дел. Но пять лет армии приучили его к неожиданностям, и он из Восточной Пруссии выехал домой.

Эвальд снова вышел на улицу Пикк и остановился у дома, где когда-то размещалось посольство СССР. Над обитыми медными полосами дверями эмалево блестела цифра 40. Он вошел в гулкий, отделанный мрамором посольский вестибюль. Два сержанта с автоматами по бокам лестницы, за столом старший лейтенант в погонах НКВД. Офицер встал, и Эвальд заметил, что кобура у него расстегнута.

– Вам кого?

Эвальд молча протянул ему предписание.

– Минутку. – Офицер поднял телефонную трубку: – Товарищ подполковник, капитан Пальм... Слушаюсь...

– Вас ждут. – Старший лейтенант положил трубку. – Пропустите.

Автоматчики посторонились, и Эвальд шагнул на первую ступень лестницы.

– Минутку, товарищ капитан. – Дежурный подошел к нему вплотную. – Прошу сдать оружие. Таков приказ, – жестко добавил он.

– А иначе нельзя?

– Таков приказ, – твердо повторил дежурный.

Эвальд вынул пистолет, протянул офицеру.

– Получите на выходе. Вас ждут в двадцать второй комнате.

У дверей двадцать второй стоял высокий, невероятно худой подполковник в синем кителе с серебряными милицейскими погонами.

– Пальм? – спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: – Скорее. Генерал не любит ждать.

– Подождите. – Эвальд начал злиться. Все происшедшее напоминало ему какой-то старый авантюрный роман. – Какой генерал? Куда мы спешим, и вообще для чего я здесь?

Подполковник посмотрел на него, усмехнулся и ничего не ответил. Они быстро прошли по длинному коридору и очутились в круглом зале с мраморным камином. У дверей сидели два офицера. Они поднялись. Но подполковник сказал только одно слово: «Ждет». И снова дверь. Еще одна комната. Полумрак. Свет лампы над письменным столом. Майор с усталым, бледным лицом, как у людей, долго не бывающих на воздухе.

– Пальм? – спросил он хриплым голосом курильщика.

– Так точно.

– Ждите.

Майор встал, одернул китель и скрылся за огромной резной дверью. Он появился через минуту.

– Проходите.

В душноватом полумраке кабинета пахло табаком. Он был огромный, этот кабинет. Огромный и темный, только в конце его стоял стол, и на нем горела лампа под зеленым абажуром. Поэтому и лицо сидящего за столом казалось неестественно зеленым. Эвальд увидел тяжелое золото генеральских погон.

– Товарищ нарком, подполковник Чудинов и капитан Пальм.

– Документы у вас? – Генерал взял из пачки папиросу.

Тут только Эвальд заметил в руках подполковника папку.

– Так точно. – Чудинов подошел к столу и положил ее перед генералом.

– Садитесь, товарищи. – Нарком закурил, глубоко затянулся, положил дымящуюся папиросу на край пепельницы.

– Значит, Пальм Эвальд Альфредович, отец Альфред Пальм, большевик, подпольщик, член правительства Эстонской ССР, погиб в 1942 году. Подробности гибели отца вам известны, капитан?

– Нет, товарищ генерал. Меня вызвали в штаб дивизии и просто сообщили о гибели отца. Потом уже я узнал, что он был на подпольной работе в Эстонии.

– Да, отец ваш настоящий большевик... Вы окончили Московский юридический институт?

– Так точно, товарищ генерал.

– В 1940 году работали в ЦК комсомола Эстонии?

– Так точно.

– Потом война. Следователь военной прокуратуры, командир диверсионной группы, работник особого отдела армии. Когда были ранены?

– Зимой сорок пятого, в конце января.

– При каких обстоятельствах?

– Моя группа ликвидировала бандгруппировку в тылу.

– Понятно... Где ваш брат?

– Я не имею о нем никаких сведений. В сороковом мне сказали в НКВД, что он вместе с дядей Карлом Сяргом бежал в Швецию.

– Понятно. Только потом он возвратился и служил в СС.

– Юлиус?!

– Да, Юлиус Сярг.

– Пальм.

– Нет, капитан, Сярг. Его усыновил ваш дядя. Так что пусть он и остается Сяргом, не позорит славный род Пальмов... Итак, награды. Ордена Красного Знамени, Отечественной войны первой и второй степени, Красная Звезда, пять медалей. Вы отлично воевали, капитан.

– Как и все, товарищ генерал.

– Ладно, о скромности потом. Какие планы?

– Я хотел остаться в армии, но меня признали ограниченно годным. Думал уехать в Москву, работать в прокуратуре.

– Это не уйдет. Мы затребовали ваше дело, ознакомились с ним и считаем, что вы должны работать в нашем наркомате. Да... Не удивляйтесь. Вы будете работать в Наркомате внутренних дел Эстонии. Вот... – Нарком открыл бювар тисненой кожи и вынул из него лист бумаги с машинописным текстом. – Читайте. – Он протянул его Эвальду.

«НКВД ЭССР. Приказ № 0146ас.

Капитана Пальма Э.А. назначить старшим оперативным уполномоченным Отдела борьбы с бандитизмом.

Нарком НКВД».

– Так что же, товарищ Пальм, подписывать?

Нарком взял ручку.

– Это очень нужно, товарищ нарком? – Эвальд встал.

– Очень, считайте, что мы снова отправляем вас на фронт.

– Подписывайте.

Нарком подписал приказ, протянул его Чудинову.

– Немедленно оформите капитана и подготовьте представление на присвоение товарищу Пальму очередного звания. Идите... А вы, Пальм, оставайтесь.

Нарком встал, щелкнул выключателем. Под потолком загорелась хрустальная люстра, залил кабинет ярким, радостным светом. Генерал подошел к карте, висящей на стене, раздвинул шторы.

– Идите сюда, капитан. Вот видите уезд? Это самый большой уезд республики. На его территории действуют остатки особо опасной банды бывшего капитана СС Юхансена. Кличка его Кровавый...

Дождь кончился внезапно. И сразу же наступила тишина. Лес и болото замерли, только капли гулко падали на листья кустов, и казалось, что кто-то ходит около землянки. Дождь шел два дня не переставая. Он размыл лесные тропинки, ручьи и болото вокруг острова, которое жило своей, совершенно особой жизнью. Ночью, когда наступала тишина, было слышно, как трясина вздыхала, иногда раздавались стоны и что-то светилось зыбким синим огнем. Здесь никогда не было сухо. Даже в жару. Влажные испарения и туман одедали островок сырým саваном. Но именно в этом и заключалась гарантия безопасности.

На остров вела одна тропинка – гать, скрытая водой. И знали о ней всего несколько человек.

В марте батальон НКВД зажал отряд Юхансена в овраге у лесного хутора, и девятнадцать человек остались лежать, скошенные жадным огнем «дегтярей». Юхансен приказал Юлиусу увести свою роту за этот остров. Роту! Слишком торжественное название для семи измученных сыростью людей.

Проводник провел их по гати. Землянка была выкопана давно, еще в сороковом, на острове находился склад оружия. В 1944-м, когда большевики захватили Виру и Тарту, она понадобилась вновь. Три месяца они сидели на болоте. В землянке оказалось несколько ящиков консервов и шоколада, пять мешков мерзлой проросшей картошки и патроны к автоматам, пистолетам, винтовкам.

Юлиуса разбудила тишина. Он еще немного полежал, потом начал одеваться. Все было сырым: носки, свитер, бриджи, сапоги. Из большой комнаты – а их в землянке было три: склад, спальня «роты» и штаб, где спал он, лейтенант Юлиус Сярг, – тянуло сыростью. Значит, наступил рассвет, и печку перестали топить. Юлиус снял со стены широкий офицерский ремень с кобурой, затянул его, накинул кожаную куртку. Он никогда и никуда не ходил без оружия. С того самого дня, как в августе сорок первого поступил кандидатом на офицерскую должность во вспомогательный охранный батальон.

Он был молод, этот командир «второй роты» в «батальоне» капитана Юхансена, – молод, жесток и бесстрашен. Впрочем, что такое бесстрашие, он и сам не знал толком. Просто в двадцать два года никто не верит, что может умереть.

В большой комнате пахло угаром. Видимо, часовой совсем недавно залил печку. Сверху, из открытого люка-двери, несло сыростью и утренним холодом. Юлиус поднялся по ступенькам и вылез из укрытия. Над лесом занимался рассвет. Облака еще низко висели над островерхими елями, но уже не были такими темными, как вчера. Скрытое где-то за ними солнце, пробиваясь к земле, освещало их розоватым светом.

– День должен удался, лейтенант, – сказал часовой. Он сидел, прислонившись спиной к сосне, постелив на землю пятнистую немецкую накидку. Автомат лежал рядом.

– Почему автомат на земле?

– Я на минутку положил его, командир. Чтобы скрутить папиросу.

Юлиус тяжело поглядел на часового и ничего не сказал. Дисциплина падала. Бессмысленное сидение на болоте разлагало людей. Они начинали забывать, зачем пришли в отряд. Пропадало главное – идейность борьбы. Они превращались в обыкновенных бандитов. В августе 1944-го, когда грохот артиллерии настолько приблизился к Таллину, что казалось, стреляют прямо на улицах, его приемный отец, брат покойной матери, Карл Сярг, занимавший в директории Мяз должность, соответствующую министерской, приехал утром домой и велел лакею позвать Юлиуса.

Он вошел в кабинет и увидел четыре больших чемодана, перетянутых ремнями.

– Да, ты правильно понял меня, я уезжаю. – Сярг сел на чемодан. Он достал трубку, начал уминать табак пальцем. – Бегу, если хочешь. Завтра в Таллине будут большевики.

Юлиус молчал, смотрел на чемодан, сплюснутый грузным телом отца. Кожа противно скрипела при каждом движении Сярга.

– Что ты молчишь?

Юлиус пожал плечами, он еще никак не мог осознать происходящего.

– Ты осуждаешь меня? – Сярг глубоко затянулся, выпустил толстую струю дыма. – Осуждаешь. А что ты можешь знать? Прежде чем осуждать, надо понять.

– Я не осуждаю вас.

– Пойми, немцы не смогут удержать Эстонию. Более того, я уверен, что они вообще проиграли войну. Да! Да! Не смотри на меня так. Война проиграна. Я имею в виду эту.

– Я не понимаю вас?

– Не понимаешь? – Кожа чемодана взвизгнула. Сярг встал, сделал несколько шагов по кабинету. – Вслед за этой немедленно начнется новая война. Неужели ты думаешь, что мы, деловые люди, занимали места в кабинете этого ничтожества Мяз случайно? Нет. Мы готовили вас, молодых. Мы создавали охранные батальоны и «омакайте», мы создавали базу. Вспомни, сколько продержались большевики в Эстонии? Чуть больше года. Ты думаешь, тому причиной

немцы? Нет. Не Германия так Англия, не Англия так Штаты. Кто-нибудь бы пришел сюда. Западу нужны границы с Советами, надежные границы. Санитарный кордон. Большевистская зараза не должна проникнуть в Европу.

– Куда же вы уезжаете, отец?

– В Швецию, дружок, в Стокгольм. Мне удалось перевести туда наши деньги. Правда, недвижимостью не унесешь в кармане. Ничего. Все верну.

– А что делать мне?

– Вот за этим я и позвал тебя. На территории Эстонии создастся подпольная армия. Вооружают и снабжают ее немцы. Пусть. Это прекрасно. Они хотят, чтобы мы сражались с большевиками. Будем. Сегодня наши интересы совпадают. Борьба с красными. С теми, кто идет с Востока, а главное – с нашими, доморощенными. Им не должно быть пощады. Никому. Вы будете убивать сельских большевиков и энкавэdistов. Народ должен бояться. Страх и ненависть. Сейчас же отправляйся в Пириту. Ты помнишь дом Лаура?

– Да, конечно.

– Там тебя ждут.

– Я вас увижу?

– Неужели ты думаешь, я уеду, не попрощавшись с тобой?

– Нет, но...

– Никаких «но», можешь взять мою машину. Только без шофера. Никаких лишних глаз. Я жду тебя через два часа...

С того дня прошло чуть больше года. За это время случилось так много, что другому человеку хватило бы на целую жизнь. Шесть месяцев из этих десяти они воевали. Отряд Юхансена нападал на хутора и волостные центры, обстреливал машины на дорогах, убивал солдат и офицеров, оставших от своих частей. Пока шла война, большевикам было не до них. Но весной сорок пятого в волость пришли части НКВД, были сформированы отряды самообороны, уполномоченные отдела по борьбе с бандитизмом шарили по лесам. Большинство из них прошли войну, сражались в партизанах. Это были бесстрашные и хладнокровные люди. Дело свое они знали. Этого Юлиус у них отнять не мог...

Вдалеке, за болотом, начинался лес. На остров доносился пряный запах травы и можжевельника. Пока не взошло солнце и не поднялся над болотом сладковато-гнилостный дух трясины, можно было дышать свежестью леса. Господи! Как все это было давно! Лес, глубокое и спокойное озеро и человек, которого он теперь зовет отцом, был дядей Карлом. Тогда Карл Сярг назывался просто землевладельцем. Два небольших хутора, коровы какой-то необыкновенной датской породы. Дядя всегда улыбался, его радовала жизнь. Несколько лет до этого он плавал механиком на английских торговых кораблях, скопил денег, купил землю и хутор. Причем купил все это в двадцатых годах, когда земля ничего не стоила. Тогда все продавали. Боялись новой революции.

В мае мать отвезила их с братом Эвальдом на хуторок к дяде. Как хорошо помнит Юлиус те дни! Сначала они ехали на поезде. От Таллина в уезд вела узкая колея, и вагоны ходили по ней маленькие, словно игрушечные. Паровоз напоминал пузатый самовар на колесах. Он весело свистел на маленьких чистеньких станциях и деловито тащил состав через лес. Деревья обступали полотно почти вплотную, и в вагоне стоял запах нагретой солнцем хвои.

На станции их ждала дядина бричка и сам Карл Сярг, плотный, веселый, молодой. Потом мать умерла, и Юлиус переехал к дяде. Эвальд учился в школе и приезжал только на каникулы.

Всю зиму Юлиус ждал приезда брата. С его появлением знакомый мир вокруг хутора преобразался. Лес переставал быть просто лесом, он становился джунглями, луг за хутором – саванной, озеро – океаном. Их больше не населяли хорошо знакомые Юлиусу люди: арендаторы, хозяева хуторов, пасечники. Они превращались в первопроходцев, а дома – в их форты.

Отца Юлиус видел редко. Альфред Пальм не ладил с шурином. Да и дядя недолюбливал его. Как-то зимой дядя Карл пришел в комнату Юлиуса, сел на край кровати.

– Твой отец и брат уехали от нас, малыш.

– Куда? – Сердце Юлиуса замерло в ожидании чего-то страшного.

– В Россию.

– Зачем?

– Твой отец хотел, чтобы такие, как я, жили так же, как наш арендатор Арвид, он хотел, чтобы у тебя не было шхуны, лошади, этой комнаты. Он хотел, чтобы все это – наш дом, коров, луга, лес – забрали арендаторы.

– Но зачем?

– Подрастешь – узнаешь.

– А как же я?

– Ты останешься со мной, мой мальчик, теперь я буду твоим отцом.

В двадцать восьмом Юлиус с дядей переехали в Таллин. Сярг купил особняк на Пярнумант, теперь он был одним из крупнейших землевладельцев. Юлиус пошел учиться в закрытый пансион и стал носить фамилию Сярг. Ему было приятно, когда за его спиной говорили:

– Смотрите, наследник Сярга.

Наследник Сярга – это было как чин, как почетное звание. Магическое словосочетание открывало перед ним двери любых домов. Перед ним заискивали.

Дни складывались в недели, недели – в месяцы. Так проходили годы. Юлиус не замечал течения времени. Оно было прекрасно. И чем старше становился он, тем интереснее ему было жить. Яхт-клуб, автоклуб, гонки, новые друзья вытягивали из его памяти отца и брата. Да и зачем она нужна, эта память? Там, в России, он не имел бы ничего подобного. Что говорила людям его старая фамилия Пальм? Ничего. Новая: Сярг – вызывала завистливое уважение. И было чему завидовать. Дядя в тридцать пятом стал совладельцем шведской паровой компании. Теперь у них был дом в Стокгольме, дача на взморье, рядом со шведской столицей. Окончив школу, Юлиус хотел поступить в Стокгольмский университет, но Сярг настоял, чтобы он учился в Тарту.

– Ты эстонец и должен получить образование на родине, – сказал он.

Все рухнуло в сороковом, когда Юлиус учился на втором курсе. Эстония стала советской. А впрочем, что значит рухнуло? Деньги их лежали в надежном шведском банке, пароходы ходили под тем же флагом. Земля и дома – в Таллине? Конечно, жалко, но это была не самая большая потеря. Они уехали в Швецию и вернулись обратно только в августе сорок первого.

Теперь Таллин именовался по-старому – Ревелем. Даже улицы стали называться иначе: Виру – Леемштрассе, Койду – Моргенротштрассе. В президентском дворце находился генеральный комиссариат Эстляндии, возглавляемый обергруппенфюрером Лицманом.

Они поселились в старом доме, который был не тронут. Теперь доходные дома вновь стали домами Сярга, земля и хутора тоже. Немецкая администрация высоко оценила дядю Карла, он занял в директории пост министра промышленности. Правда, Юлиус не вернулся в университет. По совету Карла он вступил в охранный батальон, и после боев в Белоруссии получил чин лейтенанта легиона СС.

Где его отец и брат, он не знал и старался не думать об этом – они стали его врагами. Сразу же после возвращения из Швеции Карл Сярг сказал ему:

– А знаешь, Юл, твой папенька, оказывается, был при красных шишкой, вот погляди. – Он протянул ему газету.

– «Рахва Хяэль», – прочитал Юлиус. – Ну и что?

– Ты посмотри вторую страницу, там опубликовано постановление о реквизиции земель бежавших капиталистов.

Юлиус бегло просмотрел, нашел фамилию Сярг.

– Ты имеешь в виду нашу землю? – спросил он.

– Нет, ты посмотри на подпись.

– «Уполномоченный А. Пальм», – прочитал Юлиус вслух. – Ну и что?

– Как что? – захохотал Карл. – Как что! Это же твой бывший папаша. Кстати, твой бывший братец пошел в него, мне передали, что Эвальд был молодежным функционером.

– Эвальд? – переспросил Юлиус.

– Да, именно он. Как я жалею, что отпустил его в город. Альфред бы уехал, а вы бы остались вместе. Два брата, два наследника Сярга. Слава богу, что хоть ты у меня есть. Слава богу! Как ты думаешь, почему я послал тебя в армию?

– Служить.

– Нет, не служить, а защищать. Защищать все, что имеем. Я знаю, что ты можешь погибнуть. Знаю, мучительно боюсь этого, но тем не менее я послал тебя воевать с большевиками. Пролит их кровь, ты поймешь настоящую цену всего, что имеешь. И не думай, что война будет короткой. Блицкриг не состоится. Но даже если немцы победят, то они победят Россию, а не марксизм. А учение это необыкновенно живуче.

– Ты хочешь сказать, что его победить невозможно?

– Почему? Я говорю живуче, а не бессмертно. И чтобы победить его, мы, хозяева, должны дать для этой победы все. Деньги, детей, себя, если понадобится. Вот поэтому ты и надел мундир. Никто не сможет упрекнуть семью Сяргов. Никто...

– Командир. – Голос часового разорвал хрупкую паутину воспоминаний.

– Да? – Юлиус повернулся, еще не понимая, где он, слишком далеко отсюда был в своих мыслях, и то, прошлое, разительно отличалось от нынешней реальности.

– Кто-то идет, командир.

Юлиус прислушался. Вдалеке еле различимо плескалась вода.

– Это капли падают с деревьев...

– Нет, командир, это шаги.

Юлиус опять прислушался и уже вполне явственно различил, как чавкает под сапогами трясина.

– Тревога, – скомандовал он. – Поднимай людей.

Они спустились в люк, захлопнули крышку. Сверху ее закрыл пласт дерна. Теперь посторонний мог увидеть остров, на нем маленький, поросший колючим можжевельником пригорок, совсем маленький – на нем едва могли поместиться два человека.

Спрыгнув в люк, Юлиус осторожно отодвинул заслонку бойницы. Сквозь кусты просматривалось болото со стороны гати. Теперь шагов он уже не слышал, но видел колебания тумана. Кто-то шел к острову.

За его спиной раздавались щелчки автоматных затворов. Люди занимали места согласно боевому расписанию. Юлиус вытер мокрые ладони. Подвинул к бойнице пулемет МГ, тихо оттянул затвор – патрон мягко вошел в приемник. Теперь оставалось нажать на спуск – и триста выстрелов в минуту разорвут тишину леса. Триста смертей пронесутся над болотом, прошивая туман свечением трассирующих пуль.

Наконец мутная пелена раздвинулась, и Юлиус увидел человека. Он шел по колено в воде, кожаная куртка мокро блестела на солнце. Юлиус опустил пулемет, он узнал связного капитана Юхансена.

Каждое утро он приходил в этот кабинет. А иногда просто не уходил из него. Спал прямо здесь на диване, укрывшись форменным плащом, хотя жил теперь в пяти минутах ходьбы от наркомата на улице Лай. Комнату свою Эвальд невзлюбил сразу. Она была сырой, мрачной. Единственное окно выходило в старый, полуразрушенный двор, а в нескольких метрах была щербатая стена соседнего дома. Солнце почти никогда не заглядывало сюда. Чтобы попасть к

себе в комнату, ему приходилось подниматься по дряхлой визжащей лестнице. Каждый шаг отсчитывался пронзительным, дерущим нервы скрипом. Звук этот наполнял старый дом, и эхом отдавалось недовольное ворчание соседей. Дом за много лет накрепко пропах торфяным брикетом, керосином, жареной рыбой. Так же точно пахло в доме, в котором Эвальд провел свое детство. Отец регулярно, после каждой забастовки, терял работу, и они жили голодно и бедно. С тех пор эти запахи навсегда врезались в память, как запахи нужды.

Он не любил свою комнату. Не любил старую мебель, подпорченную жучком, потерявшую цвет, на которой закаменел сероватый пыльный налет. Только две вещи радовали его: письменный стол, ярко-желтый, словно пахнувший деревом, и бронзовая настольная лампа с зеленым колпаком. Как они попали в эту комнату – неизвестно. Видимо, прежний жилец неведомыми путями раздобыл эти прекрасные вещи в одной из брошенных квартир.

А их много было в те дни. Громадные, гулкие и пустые, они остались в городе как память о бывших хозяевах. О тех, кто посещал богатые магазины на улице Харью, любил посидеть в баре разрушенной бомбежкой гостиницы «Золотой лев». Город жил странной двойной жизнью. Годами сложившиеся отношения старой буржуазной республики, образ жизни, а главное – образ мыслей определенного круга людей создавали необыкновенные трудности в работе. Город был полон бывшими чиновниками правительства Пятса и директории Мяэ, биржевыми жучками, бывшими владельцами кафе, мебельных фабрик, рыболовецких судов. Они по-прежнему собирались в ресторане «Дю Норд», по-прежнему гуляли по улицам Харью и Виру. Для них по-прежнему в ресторане в Пирита зажигали свечи по четвергам. Они приезжали на своих машинах. И вновь площадка перед рестораном была забита «мерседесами», БМВ, ДКВ, «адлерами» и «штеграми».

В зале ресторана играла музыка, пахло дорогим табаком и английским одеколоном. Но эти люди, старавшиеся в новом найти островок старого, в принципе были неопасны. Неопасны были их брюзжание, двусмысленность тостов. Те, кого приходилось искать Эвальду, не ездили в Пирита и не сидели в «Дю Норд». Их можно было увидеть в кафе «Каякас», у Клуба моряков, в маленьких пивных и закусочных, обильно разбросанных по городу.

А город этот всего один год был советским. Новая жизнь, не успев укрепиться в Таллине, уступила место фашистской оккупации. И вновь, как с глубины ручья, по которому прошагали солдатские сапоги, поднялась на поверхность муть и тина. Таллин стал городом контрастов. Нищета и роскошь. Середины не было. А вслед за нищетой, словно сестра, шла преступность. Немцам было некогда, а местная полиция не справлялась.

Осенью сорок четвертого части советских войск освободили столицу республики, и сразу же в городе начали действовать советские законы. Но аппарат республиканского НКВД был невелик. Не хватало опытных работников, к тому же еще шла война. А накипь, поднявшаяся в годы фашистской оккупации, была необыкновенно прочной, кроме того, в лесах действовали банды буржуазных националистов, крепко спаянные с уголовным миром.

Начальник ОББ, веселый молодой подполковник Соснин, приехавший из Москвы на усиление, сказал Эвальду:

– У вас, Пальм, есть все данные для нашей работы. Образование, опыт, фронтовая закалка. Вам надо изучить местные условия. Мне кажется, что ваш предшественник, правда, о покойниках плохо не говорят, расценивал банду Юхансена как нечто оторванное, самостоятельное. Борясь с ней, он не всегда понимал, что Юхансен не просто уголовник, а прежде всего «каэр». Следовательно, и связи его необходимо искать не только на хуторах, в волости и уезде, но и здесь, в Таллине.

Соснин встал, прошелся по кабинету. Эвальду нравился Соснин. Этот человек словно родился в синей гимнастерке с серебряными погонами. Форма на подполковнике сидела словно влитая, с особой элегантностью и щегольством. Несколько раз Эвальд видел начальника в

штатском и всегда удивлялся его умению носить костюм. Сняв форму, Игорь Соснин сразу же становился похожим на завсегдатая модного ресторана.

– Умейте одеваться, – часто говорил подполковник своим сотрудникам. – Надев штатское, вы ничем не должны отличаться от людей, окружающих вас.

У Эвальда с начальником отдела сложились почти дружеские отношения. Они оба, в общем-то, были москвичами. Часто вечерами говорили о Москве, и по тому, с какой любовью Игорь Соснин вспоминал родной город, Эвальд понимал, как трудно ему жить в Таллине.

– Понимаете, Эвальд, мне нравится ваш город. Готика, из бойниц башен на тебя смотрят века, внизу черепица крыш, трубы, дымки, трубочист, как в сказках Андерсена. Прелестно. Словно открытка рождественская. И все же домой страшно тянет. В Замоскворечье сейчас тишина, дома будто сонные, пух тополиный. И запах, чудный запах московского лета. Скучаю. По Полянке, Ордынке, Арбату.

Эвальд понимал его. Он тоже скучал по Москве, но, живя там, он с необычайной остротой переживал свою разлуку с Таллином. Так уж случилось, что детство он провел здесь, а юность в Москве, и у него теперь было два родных города.

– Ну, хватит лирики... Воспоминаниям мы предадимся чуть позже. Вот материалы о бандгруппе Юхансена. – Соснин хлопнул ладонью по трем толстым томам. – Вчера его люди в пяти километрах от уездного центра напали на машину Наркомата финансов. Убит шофер, старший инспектор наркомата и двое инкассаторов. Машина разграблена, бандиты унесли семьдесят тысяч наличных денег, купюры новые, по тридцать рублей, и на триста тысяч облигаций. – Соснин замолчал, побарабанил пальцами по столу. – Ваше мнение, Эвальд?

– Мне пока трудно сказать, Игорь Дмитриевич, но я бы хотел видеть маршрут движения.

– Прошу. – Соснин подошел к карте республики. – Вот смотрите... – Карандаш на секунду задержался у черного пятна с надписью «Таллин» и заскользил на север. – Здесь.

Пунктир дороги охватил зеленые, похожие на облака пятна. Лес. Эвальд на секунду представил себе подступившие к пыльной дороге деревья, перевернутую машину, трупы людей. Ему даже показалось, что он чувствует кисловатый запах пороха, заглушающий смолистый аромат леса.

– Они где-нибудь останавливались?

– Нет.

– Значит, кто-то здесь, в Таллине, знал маршрут и предупредил бандитов.

– Логично. Вы делаете успехи, Эвальд. Если так пойдет, то мы еще наплачемся под вашим началом. Вам, прибалтам, свойствен педантизм и усердие. Так вот что, милый Эвальд Альфредович, пока вы еще мой подчиненный, берите дело бандгруппы Юхансена и внимательно изучите. В дальнейшем вы будете вести его. Через два дня представьте мне план опермероприятий.

Проснулся Эвальд от забытого ощущения тепла. Комната была полна солнца. Он взглянул на часы и пошел умываться. Через несколько минут он вышел на улицу. Нужно было успеть в парикмахерскую.

Город залило солнцем. Это был первый по-настоящему летний день за все время после его возвращения. Дождь вымыл город, а солнце подновило его. Блестели окна домов, листья деревьев стали маслянисто-влажными, весело сияли витражи Святодуховской церкви. У разбитых стен гостиницы «Золотой лев» уже возились рабочие, с урчанием полз танк без башни, заменяющий трактор, пыхтел старенький экскаватор, раскачивающийся на цепи огромное ядро.

На улицах появились хозяйки с сумками и деловитые мужчины в светлых костюмах, с портфелями в руках. В город пришел покой и мир, и Таллин жил своей годами означенной жизнью. Эвальд шел мимо развалин гостиницы и думал о необычайной силе традиций. Ни война, ни жертвы и разрушения не нарушили столетиями сложившегося уклада. Так же по утрам хозяйки спешат в молочную и мясную, потом в кондитерскую, а после обеда они себе-

рутся в кафе «Таллин» – это их час. Час чашки кофе и сигареты. Мужчины, возвращаясь с работы, на полчаса заглянут в привычный бар или кафе. И пусть кофе не тот, пусть сахар по дорогим коммерческим ценам, а водка напоминает самогон. Пусть. Это их час. Дань традиции, дань жизненному укладу, который не в силах нарушить ни война, ни перемена власти.

Но, думая об этом, Эвальд почему-то не замечал, что брился у одного и того же парикмахера, сигареты покупал постоянно в маленьком магазинчике на улице Виру, а пиво пил в баре на улице Валли. Привычка, привычка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.